

бы лишь повторением основных учений общей диалектики.

5. а) Общая формула дробного числа, имея в виду все сказанное выше, получает следующий вид: **дробное число есть число, в котором его инобытие положено внутри его же самого — в условиях перехода этого инобытия в дальнейшее инобытие. Или: дробное¹¹⁷ число есть такое тождество числа с самим собою, когда последнее оказывается для себя своим собственным содержанием, превращается в полное инобытие для себя самого. Короче: дробное число есть число, в котором его внутреннее содержание перешло в инобытие, т. е. покрылось инобытийными различиями.**

б) На этом можно закончить рассуждения о природе дробного числа и перейти к следующему диалектическому плану в развитии математики. Этот этап напрашивается сам собой, даже если мы и не предпринимали [бы] систематического анализа. То противоречие, в котором находятся целое и дробное число, или, говоря более обще, целое и часть, слишком родственно и слишком бьет в глаза, чтобы нам не искать такой категории, где оба они совпадали бы. Целое число и дробное число суть в диалектическом смысле тезис и антитезис, требующие совпадения в некоем определенном синтезе. К исследованию этого синтеза мы и должны теперь перейти, помня существо всякого синтеза, изучаемое в общей диалектике.

§ 96. с) Бесконечность.

1. В целом числе число противопоставляется самому себе, своему внутреннему содержанию, и — отождествляется с ним; здесь внутрочисловое инобытие связано с субстанцией числа. В дробном числе число также противопоставлено самому себе, своему внутреннему инобытию и содержанию, но инобытие здесь не столь связано. Наоборот, ему дана свобода — однако не полная, ибо полная свобода инобытия, если нет никаких ограничивающих моментов, есть абсолютно алогическое и неразличимое континуальное становление. В дробном числе инобытие еще¹¹⁸ продолжает быть связано с числом вообще и с целым числом, но ударение в нем все же лежит на инобытии, которое, собственно, и вносит сюда различие, т. е. дробность. Связанность внутреннего инобытия числа с числом является здесь не субстанциональной, когда инобытие целиком отождествлялось бы с самим числом, но лишь смысловой, идеальной,

в субстанциальном же смысле эта связанность не только не мешает дробности, но, наоборот, ее обуславливает. В целом числе его внутреннее инобытие положено субстанциально, т. е. как таковое, как некий дублет самого числа, и потому оно положено как факт, тождественный с самим числом и еще не раскрытый в своем содержании. В дробном числе двойтся (и отождествляется) уже не само [целое] число, а то инобытие, которое мы как бы извлекли из недр числа и положили как таковое. Тут именно само это инобытие начинает переходить в свое инобытие, т. е. начинает двойтаться, расчленяется и раскрывается, развертывается, и уже в таком именно виде отождествляется с числом. Как в целом числе из недр чистого числа мы извлекли его внутреннее инобытие и гипостазировали его в виде нового символа чистого числа, так в дробном числе мы извлекаем из недр внутреннего инобытия числа заключающиеся там смысловые возможности и гипостазуем их в различном и раздельном виде. Теперь предстоит объединить эти две сферы — субстанциальную (и пока только еще принципиальную) положенность внутреннего инобытия числа и инобытийную развернутость, раскрытость, различенность этого инобытия. Их, эти две сферы, надо понять как одну и единственную сферу.

б) Одной и единственной сферой эти две сферы могут стать только тогда, когда они получат такое смысловое строение, что их можно будет вполне поставить одну на место другой, и их функции будут вполне взаимопревратимы. Надо, чтобы субстанциальная положенность изучаемого инобытия внутри числа была субстанциальной положенностью и внутренне разветвленного, различного инобытия, а смысловая разветвленность и раскрытость этого инобытия была раскрытостью самой субстанции инобытия внутри числа.

Что значит первое из этих условий? Субстанциально положить инобытие во всем его внутреннем развитии — это значит взять инобытие как *сплошное алогическое абсолютно неоформленное и, следовательно, безграничное, бесконечное становление*. Это известно из общей диалектики; и достигнуть этого раньше нельзя было, так как раньше изучаемое инобытие бралось лишь в своем принципе, а не в своем раскрытии. Второе условие предполагает, что это развернутое инобытие, отождествляясь

с субстанцией и чистым принципом инобытия, получает *определенную структуру*, превращающую это алогическое становление в некую фигурность, но уже не частичное становление (как раньше в дробном числе), но именно полное и всецелое. Выполнение обоих основных условий синтеза ведет к тому, что мы получаем новую *числовую стихию, которая есть, во-первых, алогическая бесконечность, а во-вторых, определенная структура и фигурность этой бесконечности*. В целом числе инобытийная бесконечность не была вообще положена. Она там отсутствовала, потому что там было инобытие просто, в принципе. В дробном числе инобытие положено, но оно не могло тут быть положенным как *бесконечное* инобытие, потому оно дано здесь как связанное с субстанцией целого числа. Оно существует здесь постольку, поскольку есть то или иное целое (т. е. всегда конечное) число. В *бесконечном числе* внутрчисловое инобытие дано во всем своем раскрытии, дано как полное и <...> инобытие; потому это число и *бесконечно*. И в бесконечном числе внутрчисловое инобытие дано как определенная единая субстанция; потому оно и *структурно, фигурно, содержит в себе идею порядка, упорядочено*. Таким образом, бесконечность есть синтез целого числа и дробного числа, тождество целого и составляющих его частей.

Эта конструкция требует разных пояснений и уточнений, которыми мы и займемся.

2. Прежде всего может показаться непонятным, *почему категория бесконечности обязательно соединяется с внутренним инобытием числа*. Почему категория бесконечности есть символ именно *внутреннего*, а не внешнего инобытия? Почему *нуль* — символ внешнего синтеза, а бесконечность — символ внутреннего синтеза?

а) Зададим себе вопрос: как мы вообще приходим к понятию бесконечности? Допустим, что мы начинаем считать, двигаясь по натуральному ряду чисел. Можно ли путем такого движения и счета получить понятие бесконечности, т. е. можно ли дойти до такого числа, которое необходимо было бы назвать бесконечным? Конечно, нельзя. *Сколько бы мы ни двигались по натуральному ряду чисел, мы никогда не дойдем до бесконечности*, и подобным путем совершенно невозможно получить самую категорию бесконечности. Следовательно, целых чисел мало для конструкции понятия бесконечности; тут нужны

совсем другие подходы. Но что же еще имеется в распоряжении диалектического метода? Если не хватает натурального ряда чисел, возьмем числовое инобытие и посмотрим, не встретим ли мы здесь категорию бесконечного числа. Однако что такое инобытие? Инобытие числа, если его брать в чистом виде, во всем абсолютно противоположно числу: число есть четкая раздельность, инобытие числа — сплошная неразличимость; число — устойчивость и прерывность, числовое инобытие — неуловимая подвижность и алогическая непрерывность; и т. д. и т. д. В таком виде взятое, числовое инобытие никакого отношения к бесконечности не имеет. Бесконечность прежде всего есть *нечто*; сущность же инобытия заключается именно в том, что оно не есть нечто (иначе оно было бы бытием, а не инобытием), а существует оно всегда только в отношении числа и бытия. Числовое инобытие расплывается, растекается, ускользает и остается неуловимым смысловым мраком, о котором нельзя сказать ни того, что он конечен, ни того, что он бесконечен. Об инобытии, если его брать в чистом виде, невозможно никакое утверждение. Оно живет именно размывом и становлением; и требуется какая-нибудь новая, не инобытийная точка, которая бы объединила вокруг себя это инобытие и тем дала бы ему какой-нибудь смысл и структуру. Таким образом, бесконечного числа на этом пути мы не можем достигнуть. Тут повторяется, собственно говоря, то же бессилие, что и в случае с целым числом. В крайнем случае чистое инобытие приводит к беспредельному становлению, при котором ни о какой новой точке становления нельзя сказать, что эта точка бесконечно удалена от начала становления. Инобытие делает как бы бессильный жест в сторону бесконечности, но не дает самой бесконечности. Расширяясь и расплываясь вместе с инобытием, мы как бы в изнеможении кончаем это непрерывное становление и от усталости не можем двигаться дальше, делая беспомощный жест, что вот там, в той стороне есть еще новые этапы пути, нами не изведенные, и что если бы мы двигались дальше, то достигли бы и этих этапов. Есть ли такое состояние мысли — мысль о бесконечности? Конечно, нет. Это, как и движение по натуральному ряду чисел, есть не конструкция бесконечности, а лишь бессильный жест в сторону бесконечности и полная невозможность сказать о ней что-нибудь положительное.

б) В распоряжении диалектического метода остается только один путь — искать понятие бесконечности на почве объединения чистого числа с его инобытием. Однако и здесь необходимо уточнение. Более всего очевидным кажется такое положение дела, когда инобытие мыслится хотя и вместе с бытием, но не тождественно с ним, а только рядом с ним, возле него; бытие мыслится как некий устойчивый берег, а инобытие омывает его в виде некоего моря, плещется своими непрестанными волнами алогического становления. Такая картина ровно ничего не дает для конструкции понятия бесконечности. Она сводится к предыдущим двум, вполне недостаточным (как мы видели) установкам на бесконечность. Значит, надо брать какое-то иное объединение числа вообще и числового инобытия.

в) Иное объединение можно получить только тогда, если мы возьмем две взятые смысловые стихии не рядом одна с другой и не возле одна другой, а одна *внутри* другой. При этом если бытие дается внутри инобытия, то эта позиция опять-таки ничего не дает нового, так как она сводится к уже упомянутой картине твердого берега бытия, омываемого ¹¹⁹ подвижным и алогическим становлением инобытия. Тут получится как бы остров среди моря; и остров — просто конечен, а о море в собственном смысле ничего не известно, конечное ли оно или бесконечное. Не видеть берегов — это еще не значит иметь перед собой действительно бесконечную водную поверхность. Остается, стало быть, последний путь — не бытие поместить внутри инобытия, а *инобытие — внутри бытия*. Дает ли нам что-нибудь для получения категории бесконечного числа эта новая диалектическая позиция?

г) Прежде всего, в этой позиции хорошо уже то одно, что перед нами возникает осмысленный и *обозримый* предмет и получается возможность мыслить и утверждать *что-нибудь* (а в том числе, следовательно, и бесконечность), в то время как инобытие, ничем не сдерживаемое и никакими пределами не ограниченное, совершенно не способно привести нас к какому-нибудь осмысленному утверждению. Но, разумеется, этого мало. Что тут мы утверждаем *нечто*, это в данном случае имеет второстепенный интерес (хотя все колоссальное значение этого обстоятельства выяснится нами в наших ближайших же рассуждениях). Важнее

другое обстоятельство, возникающее на нашей новой позиции, а именно то, что тут мы вообще получаем возможность поставить бытие и инобытие в ближайшие взаимоотношения. Эти ближайшие взаимоотношения мы можем здесь трактовать опять-таки различно.

е) Во-первых, возможно установление позиции простого становления бытия и инобытия: наблюдая, как инобытие бурлит и плещется внутри четко ограниченного и определенного бытия, мы устанавливаем все эти резко бьющие в глаза различия и анти[номии],— устойчивости и движения, смысла и алогического начала, раздельности и сплоченности и т. д. Эта позиция также дает для нашей цели маловато. Сколько бы мы ни сравнивали оба принципа, это сравнение будет проходить совершенно без всякой помощи со стороны категории бесконечности, и, следовательно, в этой категории никак не ощутится та или иная надобность. Остается другой путь— не просто сравнивать эти два принципа, а попытаться *слить их в одно начало, пронизать одно другим, растворить одно с другим*, получить нечто единое в твердо очерченных и четких контурах.

3. Тут прежде всего надо разрешить предрассудок, что *обозримость и четкость формы вещи лишает ее бесконечности*. Обыкновенно бесконечность считают туманом и неясным мраком, а конечное— очень понятным и четким. Это мелкобуржуазное воззрение вьелось в плоть и в кровь всякого философа из толпы. На самом же деле это полный вздор. Нет ничего общего между тем и другим. Если вы не видите конца или границы данной вещи, значит ли это, что она—бесконечна? Стоя на берегу моря, мы не видим его берегов. Однако это объясняется отнюдь не бесконечными размерами морской поверхности (она вполне конечна, и притом точно исчислена), но совершенно другими причинами (кривизна поверхности моря и слабость человеческого зрения). Значит, в этом отношении бесконечность и необозримость ничего общего не имеют между собою. Но точно так же, как нельзя из необозримости выводить бесконечности, нельзя и из бесконечности выводить ее необозримость. Что такое необозримость? Если иметь в виду какой-нибудь орган внешних чувств, например то же зрение, то наша чувствительность вообще весьма ограничена, и не на ней мы базируем свои научные выводы. Любое отвлеченно-

математическое построение (например, решение уравнения) отнюдь не обладает чертами зрительной данности, если брать его по существу. А если это решение мы выражаем условными знаками (которые видимы, зримы), то и операции с бесконечностью мы можем выражать и выражаем условными знаками (которые точно так же видимы и обозримы). Следовательно, под обозримостью остается понимать только чувственную, мыслительскую четкость и ясность. Но нечетким и неясным может быть только то, что не имеет никакого смысла и никак не мыслится. Бесконечность имеет смысл и ясно мыслится. Это одно из самых обыкновенных понятий диалектики и математики. Почему же она вдруг необозрима?

Единственный здравый смысл, который можно вложить в учение о необозримости ¹²⁰ бесконечного числа,— это то, что оно необозримо для нас чисто *лично* (фактически), необозримо ¹²¹ *жизненно, житейски*. В самом деле, кто бы я ни был, я не могу, например, пройти бесконечное количество километров, не могу видеть на расстоянии бесконечного количества километров, не могу поднять бесконечное количество килограммов, не могу пересчитать бесконечное количество чисел и т. д. и т. д. Но эта житейская невозможность обнять фактическую бесконечность не имеет ничего общего с мыслительной невозможностью понять самую категорию бесконечности. Иначе мы должны рассуждать так, что если жжется огонь, то жжется и понятие огня, или что если тонна тяжелее килограмма, то и понятие тонны тяжелее понятия килограмма, или что если данная фигура треугольна, то и понятие треугольника треугольно, и пр. Это, конечно, бессмыслица. Бесконечность сама по себе для нас необозрима, неизвестна, необычна и даже непонятна, но *понятие* бесконечности — вполне обозримо и понятно; и во всяком случае оно в той же мере понятно, как и любое другое понятие, трактующее о конечных вещах. Мы же в настоящем исследовании занимаемся исключительно диалектическими понятиями.

4. а) Преодолевши этот универсальный предрассудок о необозримости бесконечности и утвердившись на том, что [место] бесконечности необходимо искать в пределах соединения бытия и инобытия, т. е. в пределах инобытия, оформленного и ограниченного пребыванием в сфере бытия (т. е. в нашем случае — числового бытия), попробуем

формулировать всю непосредственную связанность бесконечного числа с указанной сферой объединения числового бытия и инобытия. Итак, мы уже вывели, что если бесконечное число где-нибудь находится, то не в чистом числе и не в двух его модификациях, т. е. не в целом и не в дробном, равно как и не в том объединении бытия и инобытия, когда последнее — вне бытия, а только примыкает к его границам с внешней стороны. Бесконечное — там, где инобытие дано *внутри* бытия, т. е. там, где бытие вскрывает свое *внутреннее содержание* (ибо внутреннее содержание вещи и есть ее внутреннее инобытие, содержащееся в ней самой, т. е. в ее пределах). Вопрос — только в способе объединения числа с его внутренним инобытием, или, поскольку внутреннее инобытие мы уже утвердили как такое, вопрос — только в том, как модифицировать целое или дробное, чтобы получить бесконечность.

б) То, что в диалектике называется синтезом, представляет собою столь глубокое и интимное взаимопроникновение двух сфер бытия, что получается уже нечто совершенно неузнаваемое, совсем не похожее ни на один из этих двух планов, хотя оба они и видятся заложенными в глубине этого синтеза. Оба бытийных плана должны настолько слиться и отождествиться между собою, чтобы было уже безразлично, какой именно план брать для рассмотрения. Один оказывается абсолютно тождественным с другим. Инобытие — текуче, несхватываемо; оно вечно ускользает, разливается, становится. И вот, эту вечную текучесть и бесформенное становление надо взять как устойчивое и <...> бытие смысла. Бытие структурно, конечно, ограничено, оформленно, осмысленно. А надо переделать его так, чтобы оно, оставаясь самим собой, имело смысл бесформенности, алогического становления и сплошной неразличенной текучести.

с) Допустим, что мы имеем какую-нибудь числовую структуру, состоящую из трех различных точек *A*, *B* и *C*. Что получится, если мы станем заполнять эту структуру алогическим инобытием, как некий сосуд — жидкостью, и отождествлять порождаемое таким образом числовое содержание с самим числом? Алогическое становление есть неразличимая текучесть. Это значит, что наши точки *A*, *B* и *C* должны стать неразличимыми. Но если бы они были неразличимыми, и только неразличимыми, то это

просто значило бы, что они отсутствуют, и тогда был бы не синтез бытия с инобытием, а просто только одно инобытие. Следовательно, для синтеза необходимо, чтобы точки A , B и C , оставаясь неразличимыми, все же на деле присутствовали бы здесь во всей своей четкости и осмысленной разграниченности. Возможно это только в одном случае. Становление, взятое само по себе, абсолютно однородно; оно *сливает* все в одну неразличимую, хотя и подвижную массу. В применении к миру оформленных числовых структур это значит, что *каждый момент этой структуры содержит в себе все другие ее моменты*, что не успело кончиться A , как уже началось B , и не успело кончиться B , как уже началось C . Эта абсолютная взаимная слитость всех моментов структуры и есть то, что получается в результате синтеза числовой структуры с ее внутренним инобытием. Мы движемся вместе с алогическим инобытием становления в неопределенную даль — и в то же время оказывается, что все этапы нашего возможного пути уже пройдены, что все будущие точки нашего движения уже содержатся в первом же, только что сделанном шаге. То же получится, если мы в алогическую мглу становления станем вводить структурные моменты, т. е. из этого становления, из этого становящегося мрака, как из некоей глины, будем созидать те или иные смысловые фигурности.

д) Результат будет один: как в смысловой структуре — полученная форма будет расчленена, и как в алогическом становлении — она будет слита и неразличима. Не различать A , B и C и в то же время их сохранять — это значит иметь их наличными в каждой точке пути, ведущего от одной из них к каждой другой, и это значит в A иметь и B , и C , в B иметь и A , и C и в C иметь и A , и B . Инобытие — начало разъединения и бесформенности, становления в условиях синтеза с бытием, началом объединенности, доходящей до полной слитости и тождества, а бытие — начало формы и смысла — становится здесь, в условиях синтеза с инобытием, началом бесформенности и неразличимости, доходящей до слития отдельных моментов в одну, не имеющую никакого измерения точку. Это и значит, что мы дошли до подлинного синтеза бытия и инобытия, когда обе эти категории поменялись местами и отождествились в полной взаимопроизнанности и взаимозаменимости.

5. [а)] Итак, что же мы получили от этой диалектической ступени в поисках категории бесконечности? Мы получили 1) слитость всех отдельных моментов числовой структуры в одной и единственной точке. Мы получили 2) становление и алогическую текучесть этой одной и единственной точки смысла — так что она превратилась как бы в одну сплошную мелодию, где отдельные звуки хотя и различны между собой, но тем не менее в каждом из них присутствует вся мелодия со всеми своими эстетическими свойствами. Мелодия не содержит слов, в ней нет *логического* смысла, она алогична, иррациональна; и тем не менее она сама по себе есть определенная структурность и упорядоченность, которую нельзя менять безнаказанно ни в одном ее пункте и которая, стало быть, целиком присутствует решительно везде, оформляя и осмысляя одной музыкальной цельностью каждый момент ее исполнения.

Мы получили¹²² 3) именно *алогическое* и в своей алогичности *гипостазированное* становление со всеми присущими ему свойствами, которые необходимо тут утверждать не только принципиально, но и *в их развитии, развертывании*. Дело в том, что, поскольку тут берется чистое инобытие, оно мыслится как *полная и абсолютная неразличимость*. Следовательно, и полученная нами точка, совмещающая в себе все прочие точки числовой структуры, движется *абсолютно неразличимо*, при полном отсутствии каких бы то ни было перерывов или механических внешних объединений. Здесь — полная взаимопронизанность, взаимослитость, внутреннее и до последней смысловой основы данное подвижно¹²³ тождество решительно всех моментов, из которых состоит изучаемая структура. Но это значит, что рядом с данной точкой мы должны мыслить другую точку; и притом, *как бы близко ни находились друг в отношении друга эти две точки, между ними мыслима всегда третья точка*. Только так и можно представлять себе эту сплошную бесформенность и слитость всего во всем в условиях изучаемого нами синтеза. Алогическое становление, развернутое во всей своей мощи, дает именно эту «необозримую» массу точек, расстояние между которыми исчезающе мало. Когда мы берем становление только в его принципе, нам неясна эта составленность его из необозримого количества точек. Но сейчас мы берем алогическое становление

в *развернутом* виде, т. е. *гипостазируем* его в виде некоей смысловой структуры. Становление сплошно, неразличимо течет; его «овеществление» и гипостазирование дает такую структуру, которая должна ведь остаться сплошной и неразличимой (поскольку речь идет о гипостазировании именно становления), но которая в то же время должна и развернуть это становление в устойчивую и раздельную смысловую фигурность (поскольку тут речь об утверждении, полагании, т. е. о раздельном полагании). Отсюда — эта скупенность необозримого количества отдельных точек, сразу и раздельных, и слившихся между собою.

б) Наконец, мы получили 4) оформленность и ограниченность этого гипостазированного множества алогически становящейся структуры. Такое обстоятельство имеет огромное значение для всей проблемы бесконечности. Дело в том, что пока данное множество растекается, то, как бы оно ни было синтетично, оно все равно исчезает во мраке и теряет всякую свою форму и смысл. Объединивши бытие с инобытием в становление, мы все равно не пришли ни к чему определенному, пока становление остается неопределенно идущим вперед и в стороны алогическим процессом. Гипостазирование и положенность этого процесса привели его к отдельным, наплывающим друг на друга точкам, но общей определенности все же от этого не получилось; и мы тут все еще не видим, где же находится искомое нами понятие бесконечности. *Только с полаганием предела для самого становления впервые получается возможность коснуться этой трудной категории.* И почему так?

с) Наличие предела для становления приводит к тому, что это становление, дойдя до определенного места, *останавливается* и дальше уже никуда и не распространяется. Но тем не менее оно, как принцип, осуществляющий синтетическую спаянность бытия и инобытия, по самому существу своему все-таки нигде не может остановиться, т. е. перестать быть становлением (иначе разрушится и самый синтез бытия и инобытия); и в результате этого вся мощь становления принуждена осуществляться только в определенных границах, и вся становящаяся стихия должна разыгрываться внутри очень тесных пределов, [внутри] данной структуры. От этого образуется как бы некая запруда для всестороннего

растекания становящейся массы, и вся эта стихия устремляется на саму себя; становление начинает все больше и больше напрягать пространство внутри структуры. Когда синтетическая точка расширялась вовне и мы не находили для этого никаких границ, мы тем самым лишали себя возможности получить какую-нибудь новую категорию. Здесь же непрерывность и сплошность становления, закруженная внешними границами, устремилась в глубину этого ограниченного и оформленного пространства; и последнее предстает теперь перед нами уже не как просто некая необозримая масса скученных точек, разделенных между собою исчезающе¹²⁴ малыми расстояниями, но как *арена неисчерпаемости этого постоянного дробления инобытия* внутри данных границ и как принцип *полноты* инобытийно [го] гипостазирования внутреннего содержания смысловой структуры.

Тут-то мы и *встречаем впервые категорию бесконечности*.

d) Бесконечность не есть просто отсутствие конца. Бесконечность есть это отсутствие конца, но не всякое отсутствие конца есть бесконечность. Если выдвигать только принцип отсутствия конца, мы не получим никакого положительного понятия, а только очень скудный отрицательный признак. Подобное же отрицательное определение ровно ничего не определяет. Приходится искать чисто положительных признаков бесконечности; и вот, они заключаются в том, что мы трактуем *раздельное и конечное множество как содержащее в себе всю полноту своего собственного содержания*.

[6.] Это учение невозможно усвоить, если не помнить основного свойства всякого оформления и ограничения, это — превращение оформляемого и ограничиваемого в нечто имеющее как бы объем, в нечто количественное и, следовательно, дробное. В общей диалектике мы приводим избитый пример с кругом или шаром: пока не проведена периферия и пока не замкнута линия, очерчивающая форму круга или шара, еще нельзя говорить ни о каком круге или шаре; до этих пор он остается только в идее, а не в реальности. Но стоит только провести окружность круга, как получается возможность понимать круг как нечто делимое, ибо самое наличие формы есть уже тем самым наличие количественности, объемности и измеремости¹²⁵

Точно так же и наше алогическое становление — пока оставалось безграничным и неоформленным, оно оставалось все еще не осуществленным, не положенным, все еще, строго говоря, лишенным возможности находиться в дроблении — раздельности. Правда, мы уже заговорили о наличии скученного множества становящихся точек, но будем помнить, что 1) это стало возможно только благодаря введению принципа гипостазирования (или развернутого утверждения) в стадию чистого становления. Сделали мы это, однако, не в целях окончательного ответа на поставленный вопрос, но в целях постепенного приближения к этому ответу. Получивши становление как синтез бытия и инобытия, мы стали полагать и утверждать само становление и на первых порах констатировали это утверждение *на протяжении* самого становления, внутри его развертывающейся массы и оставили в стороне становление в целом. Тем не менее последняя диалектическая ступень в одинаковой мере необходима и как принцип, заложенный уже в указанном частичном гипостазировании (если положено внутреннее содержание вещи, то должна быть положена и она сама), и как позиция, непосредственно приводящая к категории бесконечности.

а) Становление есть неразличимая и ускользающая сплошность алогического смысла. Мы полагаем теперь *само* становление, превращаем его самого в некую смысловую субстанцию. Это приводит нас от становления к *ставшему*, т. е. к его ограничению и как бы к некоей оформленной и потому конечной, ставшей вещи. Но куда же девается стихия становления? Лишенная возможности растекаться во все концы и быть неуловимой, ускользающей, она начинает проявлять себя *внутри* положенных и очерченных нами границ, но здесь она приводит по необходимости к *дроблению*, так как отныне мы уже в пределах формы и ярко очерченных размеров, и уже не может [быть] простого и определенного растекания, как в чистом становлении. Однако становление есть всегда становление; и потому, хотя оно и дает здесь дробление, дробящиеся части настолько близко подходят одна к другой, что расстояние между ними делается исчезающе малым. Таким образом, мы получаем сразу и момент *всего* (очерчивание границы дает нам возможность говорить именно о *всех* частях *целого*, о *всем* и *всецелом*

содержании смысла), и момент *исчерпаемости* этого «всего», а соединение «всего» с «исчерпаемостью», с неисчерпаемой полнотой всего и есть подлинная бесконечность.

б) Необходимо помнить выведенные нами раньше категории целого и дробного числа, чтобы соблюсти правильную перспективу в оценке категории бесконечности. Целое число, в отличие от числа просто, содержит в себе свое внутреннее инобытие. Это инобытие было положено в нем *субстанциально*, т. е. как такое, вне своих внутренних, уже чисто инобытийных, различий, и, кроме того, оно было отождествлено с самим числом. Целость и есть тождество себя с самим собою; число противопоставляется самому себе и, не переходя ни в какие дальнейшие различия, отождествляется с самим собою. Далее мы перешли к дробному числу. Дробное число тоже базируется на внутреннем инобытии числа, на различии и тождестве его с самим числом. Но здесь берется уже не субстанциальная твердыня и нетронутость внутреннего инобытия, но переход этого инобытия в дальнейшее инобытие, так что подобно тому, как «число вообще» противопоставляет себя своему внутреннему инобытию, так это внутреннее инобытие противопоставляет себя своему собственному внутреннему инобытию. Противопоставить что-нибудь чему-нибудь (например, ему же самому) — значит отличить его от этого «что-нибудь», а отличить что-нибудь — значит дать ему очертание границы и формы; а дать очертание чему-нибудь — значит превратить его в нечто количественное и сообщить ему свойство быть дробимым (принципиально или фактически). Отсюда вывод, что «число вообще», вступая в различие с инобытием (в данном случае со своим же собственным внутренним инобытием), делается принципиально дробимым, т. е. целым, а целое число, вступая в различие с инобытием (т. е. опять-таки со своим же собственным внутренним бытием), рассыпается на различествующие друг от друга моменты, т. е. становится дробным. Но все ли возможности исчерпаны в том инобытии, которое в своем субстанциальном отождествлении с «числом вообще» дало целое число, а в своем расчлененно-инобытийном отождествлении с «числом вообще» дало дробное число?

Этим все возможности еще не исчерпаны. В дробном числе наличен просто переход инобытия в дальнейшее

инобытие, и больше ничего. Но кроме такого принципиального перехода необходимо учесть и все разнообразие диалектической картины, возникающей при детализировании этого принципиального перехода. Это не только «переход вообще», но и «переход в частности», и тут-то и кроются новые диалектические структуры.

Прежде всего, 1) в дробном числе совершенно не ставится вопрос, как понимать это инобытие инобытия. Неизвестно (и в дробном числе должно остаться неизвестным), есть ли это становящаяся стихия становления во всей своей неразличимой гуще или только наличие так или иначе различествующих моментов этого становления. Тут только утверждён голый тезис наличия инобытия во внутреннем инобытии числа и вытекающая отсюда дробность и — больше ничего. Но дробность может быть дробностью устойчивой структуры (и в таком случае она есть определенная числовая фигуриность), и дробность может быть той, наиболее чистый¹²⁶ образец которой мы находим в математическом анализе при операциях с «бесконечно-малым». Эти вопросы в дробном числе не поставлены. Далее, 2) в дробном числе неизвестно, *все* ли инобытие инобытия имеется в виду или не все. Взявши ряд частей единицы, например дробь $\frac{3}{5}$, мы совершенно ничего не знаем о внутреннем содержании этой дроби. Она может быть просто арифметическим числом, но может быть также и интегралом, т. е. пределом некоего бесконечного суммирования. Обе эти идеи, отсутствующие в дробном числе, возникают именно в бесконечном числе.

с) Именно обе эти идеи как раз и возникают, *как только мы начинаем синтезировать целое число и дробное*. Первая идея, идея алогической сплошности и неразличимости становления, возникает тут потому, что в синтез вступают категории, взятые в своем существе, в своем центральном и основном смысле. Поэтому инобытие должно быть здесь взято именно как чистая алогичность становления. На ступени дробного числа мы просто вступали в область инобытия, которая сама по себе не была положена, а только допущена, причем неизвестно, как и откуда она возникает. Беря синтез бытия и инобытия, мы должны положить и инобытие (а не только одно бытие), а это значит, что должна быть учтена вся алоги-

ческая гуща и мощь становления. Без этого момента нет никакой бесконечности, но этот момент внесен в нее как раз фактом *синтеза* бытия и инобытия, который мыслим только в условии чистого и существенного утверждения как бытия, так и инобытия. Вторая идея, отсутствующая в дробном числе, идея *всего, всейности*, есть также не что иное, как результат привхождения сюда идеи целого. Все и есть не что иное, как инобытийная восстановленность «целого». Когда я, имея идею чего-нибудь целого, строю из какого-нибудь материала вещь, то, когда она построена, я, пересчитывая то, из чего она построена, должен сказать, что она содержит в себе *все* части. «Все» есть инобытийный (но полностью и без всяких изъянов данный) коррелят «целого». Это — субстанциально и совершенно осуществленное целое. В дроби этого не могло быть потому, что она берет всегда только *некоторые* части единицы, а не все; а если бы она взяла и все части, то по недостатку в дроби положенной стихии алогического становления все эти части просто слились бы в единицу и ровно ничем от нее не отличались бы. Бесконечность содержит в себе именно *все* части; и тот момент всейности она получает от целого числа, которое, очевидно, присутствует в ней и играет основную роль. Итак, *то, чем бесконечное число отличается от дробного, образуется в нем благодаря участию в нем целого числа. И бесконечное число есть, таким образом, подлинный синтез целого числа и дробного.*

§ 97. Продолжение.

Понятие бесконечности настолько безнадежно запутано в популярном сознании¹²⁷ и настолько отягощено бесчисленными привнесениями, часто не имеющими никакого к нему отношения, что и ряд дальнейших разъяснений и примечаний будет совсем нелишним.

1. а) Из предыдущего исследования с полной ясностью вытекает ответ на вопрос, поставленный нами выше,— о *различии между нулем и бесконечностью*. Насколько это «ясно» всякому «здоровому» человеку, настолько это различие неясно философу, когда он хочет понять это различие до конца. Предыдущие рассуждения дают вполне достаточный материал для ясного решения этого вопроса. Почему нуль мы трактовали как синтез осуществленности внешнего инобытия числа, а бесконечность трактуем как синтез внутренней осуществленности?